

УДК 930+39

**ЗОЛОТООРДЫНСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ ТАТАР:
1. ЭПИЧЕСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ
«ЗОЛОТОЙ ТРОН» («АЛТЫН ТӘХЕТ»)**

Д.М. Исхаков

*(Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан)*

Автор настоящей статьи стремится определить исторические истоки особого престольного места, характерного для Улуса Джучи и последующих тюрко-татарских государств, образованных на его территориях в XV–XVI вв. Это особое престольное место было известно как «золотой трон»/«алтын тәхет». Это явление фиксируется, как в тюрко-татарских (эпические произведения, хроники, исторические сочинения), так и в некоторых русских источниках. Сделанный автором обзор исторических источников показывает, что по тюрко-татарской традиции XVI–XVIII вв., «золотой трон» («алтын тәхет/сандал»), представлял собой место, где восседал правитель (хан, царь) в Золотой Орде и на последующем постордынском политическом пространстве. Автор данной статьи подчеркивает немаловажное обстоятельство: «золотой трон» неизменно ассоциировался в исторических источниках с местом интронизации татарского правителя. В результате детального анализа имеющегося исторического материала, автор настоящей статьи установил, что часто упоминаемый «золотой трон» существовал не только в Улусе Джучи, но и по всей Монгольской империи. Более того, проделанный автором настоящей статьи подробный анализ имеющегося исторического материала (включающий сравнение со сведениями параллельных персидских, китайских и латинских источников) показал, что этот «золотой трон» был связан с другим символом власти, распространенным во всех государствах Чингисидов и зафиксированным рядом исторических источников, то есть со специальным шатром (юртой), известным как «Большая Золотая ставка» / «Урду-и-заррин-и бузург»/«Олуг Алтын Урда». Этот шатер и тронное место ханов, в совокупности, образовывали в Монгольской империи и последующих чингисидских государствах средоточие ханской власти.

Ключевые слова: трон, престольное место, интронизация, золотой трон, золотой шатер, центр власти.

В знаменитом тюрко-татарском эпосе «Идегей» несколько раз упоминается «ал тәхет» («алый трон»). Как видно из дастана, он фигурирует там в связи с золотоордынским ханом Токтамышем (1380–1397/98). Вначале в эпосе говорится:

Хан сарае ак ишек,
Иртә булса ачылып,
Тухтамыш хан килгәндә,
Ал тәхеткә менгәндә,
Ал тәхетнең аркасы,
Алтын егач тутый кош
Сайрап телгә килгәндә...[5, с.39]

Затем этот же трон возникает при описании взятия Тимуром г.Сарая, когда речь идет о прибытии Идегея из Булгар в Сарай, где в тот момент должен был находиться завоеватель. На вопрос Идегея о нем один из приближенных хана отвечает:

Шah Тимерне сорасаң,
Шah Тимердәй олы хан
Алтын агач тутый кош
Ал тәхетне алдырып,
Ак филенә мендереп,
Эченә үзен кундырып

.....
Сәмәркандка юнәлдә [5, с.170]

В третий раз этот вроде бы уже увезенный Тимуром трон в эпосе появляется в эпизоде, когда сын Идегея Норадын (Ир Норадын) приходит в Сарай с целью стать ханом:

Алтын сарай, хан сарай,
Хан сарае ак ишек,
Ир Норадын килгәндә,
Ал тәхеткә менгәндә,
Ал тәхетнең аркасы
Алтын егач тутый кош
Сайрап телгә килгәндә [5, с.219]

Наконец, в эпическом рассказе о том, как сын Токтамыша Кадырбирде задает вопрос одному из биев умершего хана по имени Кин-Джанбай (*Кин Жанбай*), трон появляется опять:

Тухтамышның бие идең,
Бүген кемгә би булдың?
Алтын ташлы тәхетенә
Бүген кем углын мендердең? [5, с. 220]

Как видим, в рассматриваемом эпосе фигурирует особый трон, находившийся во дворце (*хансарае, алтын сарай*) золотоордынских ханов. В эпосе он именуется двояко: *ал «тәхет»* и *«алтын ташлы тәхет»* (златокаменный трон). На самом деле в смысловом отношении эти понятия близки: если в татарском языке понятие *«ал»* передает не только цвет (отсюда, кстати русское слово «алый»), но и обозначает нечто «хорошее, красивое, прекрасное», то термин *«алтын»* (золото, золотой) кроме прямого значения имеет и косвенное «хороший, прекрасный, дорогой (последнее значение прослеживается в эпосе «Идегей», где названный трон именуется «златокаменным»). В

итоге допустимо предположить, что в обоих вариантах подразумевается одно и то же тронное место, трон, связанный в Золотой Орде с ханской властью. Более того, выражение «*ал тәхет*» можно считать сокращением от выражения «*алтын тәхет*», в крайнем случае первое обозначение подчеркивало, что ханский трон был из «червоного», то есть красного (алого) золота или был покрыт этим материалом. Любопытно, что судя по дастану «Идегей», отличительной особенностью этого трона являлось нахождение на его спинке (*аркасы*) «золотого попугая» (*алтын тутый кош*), способного издавать птичью трель. Кроме того, вопреки первоначальному утверждению дастана об увезении указанного трона из Сарая в Самарканд, он явно остался на месте, похоже потому, что имел какую-то «прикрепленность» к золотоордынским правителям – Чингизидам.

В реальности «золотой трон» упоминается и в других тюрко-татарских источниках – как в эпических произведениях, так и в так называемых татарских «хрониках», содержащих местные предания.

Прежде всего заслуживает внимания татарско-башкирский дастан «*Туләк һәм Сусылу*» («Туляк и Сусылу») (исследование его версий было проведено М.А. Усмановым, он же опубликовал его древнейший текст – см.: [2, с. 225–300]; сюжеты дастана, связанные с «золотым тронном», ранее были затронуты в нашей работе – см.: [7]). Имея в виду это последнее исследование, мы далее ограничимся перечислением тех эпизодов из этого дастана, в которых упоминается «*алтын тәхет*». Последний в эпосе появляется так: когда главный герой эпоса Туляк оказался во дворце (*булат сарай*) дочери легендарного подводного правителя «Чачдар-хана» по имени Сусылу, через некоторое время он заскучал по своей прежней родине, и по его просьбе Тенгри сделал ему подарок – перед дворцом его суженой возникла «скрепленная железом гора Балкан (*Балкан-тау*)», в подножии которой находился тот самый «золотой трон», описанный следующим образом:

*Алтын тәхет уртаткан,
Көмешдин аяк йараткан,
Тәхет-бәхет түрәткән
Хакъ тәгалә кодрәте...*

Туляк сел на этот «счастливый трон» («*тәхет-бәхет түрәткән*»), дарованный ему Всевышним наряду с другими чудесными творениями. Затем герой дастана обратился к Всевышнему с просьбой перенести его со всем имуществом и Сусылу из подводного царства на землю, что и было сделано – они оказались около «великого города» (*олуг шәһәр*), как затем выяснилось, стоявшем во владении отца Туляка. Проснувшись утром, горожане увидели не только названную гору, но и располагавшийся там трон, на этот раз изображенный так: «*Ул тәхетнең айкалары көмешдин, башы гәүһәрдин*» (перевод: «Ножки у этого трона были серебряными, изголовье из

жемчуга/драгоценностей»). Согласно дастану, Туляк, ставший вскоре в «великом городе» ханом, по пятницам поднимался на Балкан-тау, садился там на свой «золотой трон» и развлекал свой народ, играя на музыкальных инструментах. После смерти Туляка в этом владении недолгое время правил его сын Габдулла-хан, с кончиной которого все чудесные творения, доставшиеся ему от отца, в том числе и «золотой трон», исчезли.

При разборе этого дастана нами [7] уже было высказано мнение о том, что, по имеющейся информации, род Туляка и Габдуллы принадлежал к знатному золотоордынскому клану кыйат, из которого в свое время вышли и предки Чингиз-хана. По нашей гипотезе, в легендарном хане Габдулле, как известно, присутствующем также в татарском историческом сочинении конца XVII в. «Дафтар-и Чингиз-наме», можно видеть историческую личность – правившего в 1361/62–1369/70 годах в Орде Мамай хана Абдаллаха. Напомним, что «хан Габдулла» из «Дафтар-и Чингиз-наме» являлся правителем в «шахри Булгаре» в период походов Тимура на Золотую Орду.

В свете приведенных данных следует учесть и сведения близкой к «Дафтар-и Чингиз-наме» татарской хроники «Фи бейан-и тарих», по всей видимости, являющейся фрагментом персоязычного сочинения XVIII в. из Поволжья «Джаза-и джанг»/ «Хикайат» (о нем подробнее см.: [13]). Этот источник, рассказывая о взятии Тимуром (*Мир-Тимур*) «города Болгара» (*«шәһре Болгар»*) и гибели его правителя – «Габдуллы-хана», сообщает о двух спасенных его сыновьях – Алтын-беке и Галим-беке, с уточнением, что первого из них в возрасте четырнадцати лет «возвели на престол» (*«тахытка кичерделәр»*). Далее в этой хронике приводятся тамга Алтын-бека и ее название, затем сообщается: *«Алтын тәхетдин чыгып, Иске Казанга килделәр. Алтын тәхет дин шәһре Болгарны әйтер ирмеш...»* (перевод: «Вышедши из Золотого трона, пришли в Старую Казань. Золотым тронном называли город Булгар») [13, с. 155–156].

В поволжских тюрко-татарских источниках «золотой трон» еще раз упоминается в историческом сочинении Кадыр-Али бека из Касимовского ханства «Джами ат-таварих» (1602 г.) в связи с описанием церемонии возведения султана Ураз-Мухаммада на ханский престол в г.Касимове в 1600 г. Там сказано: *«...Дурт кеше дурт яктан хәзрәти ханны алтын сандалның өстенә күтәрде...»* [перевод: «Четыре человека с четырех сторон господина хана подняли на трон»]. Тут «санда» – это *«тәхет»* (трон), что видно из описания церемонии интронизации Ураз-Мухаммеда, когда до ее начала в мечеть был внесен «почетный золотой трон» (в оригинале: *«...мөбәрәк алтын сандалны/ тәхетне...»*) [10, с. 124]. Попутно заметим, что в данном сочинении и трон русского царя Бориса Годунова назван «золотым» (*«алтын тах [т]»*) [10, с. 124]. При этом надо иметь в виду, что для Кадыр-Али бека московский царь Борис Федорович являлся не только «падишахом», но и «белым ханом» (*«ак хан»*), а также «великим

беком» («олуг бак», подчинившим себе «престолы» Казани, Астрахани, Туры (т.е. Сибирского юрта) и Сарайчика (т.е. столицы Ногайской Орды) [9, с. 23]. В данном случае в глазах Кадыр-Али бека он выступает как один из наследников Золотой Орды.

Далее, заслуживает внимание и эпизод из «Казанской истории» о взятии русскими войсками в 1552 году Казанского Кремля, когда они пленили хана Едигера. В рассказе об этом в источнике сообщается, что в момент пленения казанский хан сидел в «мечети царевом... в худых ризах одеянна, а не на царском месте златом» [11, с.157]. Как видим, тронное место казанских ханов в данном источнике также маркировано как «золотое».

Сделанный обзор показывает, что по тюрко-татарской традиции XVI–XVIII вв. «золотой трон» («алтын тәхет/сандал») это место, где восседает правитель (хан, царь) в Золотой Орде и на постордынском политическом пространстве и, что важно, место его интронизации.

Насчет особых аспектов интронизации, связанных с «золотым тронном», можно составить представление по двум независимым источникам, имеющим отношение к джучидским государствам. Так, когда Кадыр-Али бек рассказывает о церемонии интронизации султана Ураз-Мухаммада, он не только говорит о четверых знатных лицах, «поднявших» этого Чингизида на ханский престол, но и называет, за одним исключением, их клановую принадлежность: сам Кадыр-Али бек был из племени джалаир, Шаш (Чеш/Чаныш) бек – из клана аргын, а Тукай бек являлся кыпчаком; наконец, как нами было установлено, Саманай/Семеней бек, чья племенная принадлежность в источнике отсутствует, был мангытом [6, с.209]. В связи с тем, что двое князей (Кадыр-Али и Семеней) из этого списка, согласно Кадыр-Али беку, стояли справа (*оң кол/ маймене*) от ханского трона, а двое других – слева (*сол кол/ майсара*), есть основание видеть в них карача-беков – «делателей ханов» в джучидских государствах.

Еще одно описание церемонии интронизации хана на рубеже XIV–XV вв. в «Золотой Татарии», то есть в Золотой Орде, приводит И. Шильтбергером: «... короля (хана – Д.И.) ... сажают... на белый войлок и три раза приподнимают. Затем носят его вокруг палатки, *сажают на престол* (выделено нами – Д.И.) и вручают ему золотой меч, после чего он должен присягнуть по их правилам» [20, с. 44].

По-видимому, вот это троекратное «приподнимание» на белом войлоке с конечным посажением Чингизида на трон, и передается тюрко-татарским понятием «*тәхеткә/сандалга [тәхет өстенә] күтәрделәр*», зафиксированным у Кадыр-Али бека. Практически точно такие же выражения используются и в дастане «Туляк и Сусулу» при описании интронизации Туляка: «*Имди сәне тәхеткә күтәргәймез*» [перевод: «Сейчас мы поднимем тебя на трон»], «*Имди сәне тәхеткә күтәргәйле*» [перевод: «И вот ты поднят на трон»], «*Түләкне ханлыкка күтәрделәр*» [перевод: «Подняли Туляка на хан-

ство»] [2, с. 260]. При изложении сообщения о посадении сына «Габдуллы-хана» Алтын-бека на искеказанский трон используется сходное выражение – «*тахеткэ кичерделар*» [перевод: «приведение/проведение на престол»].

Изложенное выше позволяет по-новому осмыслить некоторые русские источники XV–XVI вв. Заслуживает, например, внимания послание тюменского хана Саида-Ибрагима («Ивака») от 1493 г. московскому князю Ивану III, из которого явствует, что в последней четверти XV в. в Поволжье существовало особенное «тронное место». Хан пишет: «...Тимер Кутлуева сына убивши, *Саинский стул* (выделено нами – *Д.И.*) взял... на отцов юрт к Волзе пришед стою» [18, с. 199]. Так как в этом послании, по всем данным, речь идет о захвате в начале 1481 г. ногайско-шибанидской коалицией ставки большеордынского хана Ахмада (именно его детей в 1490 г. в одном из посланий, отправленном из Ногайской Орды, именуют «Темир Кутлуевыми детьми» – см: [18, с.90]), в ходе которого тот и был убит [8, с.132], получается, что упомянутый «Саинский стул» находился во владениях хана Ахмада, то есть, в Большой Орде, но скорее всего, в момент его убийства не в ставке хана, которая отмечается на устье р. Донца, а где-то ближе к Волге.

Следует специально отметить, что из рассматриваемого документа все же не вполне ясно, имеется ли под «Саинским стулом» в виду какое-то «тронное место» или подразумевается вся Большая Орда целиком. Возможно и третье объяснение, на котором остановимся далее. Тут, однако, стоит сказать, что в ходе описываемой операции в руки хана Саида-Ибрагима попал «ордабазар» хана Ахмада, который хан «с собой поведе в Тюмень» [8, с. 132]. А «ордабазар» – это элемент ханской ставки, так сказать, его экономическое ядро. Но, тем не менее, политический центр Большой Орды мог находиться не обязательно там, где хан был убит.

Дело в том, что уже и относительно того, где в 1470-х годах находился хан Саид-Ибрагим, в литературе есть разные мнения. Имея в виду, что этот хан тогда явно был, по некоторым данным, с 1471 г. в Поволжье, либо близко к нему. Б.А. Ахмедов полагал, что в конце 1470-х годов, либо в начале 1480-х годов тот пребывал на престоле Казанского ханства [1, с. 60–61]. Однако, такое допущение вряд ли будет верным. Прежде всего, потому, что нахождение хана Саида-Ибрагима (Ивака) в 1491/92 годах в «Тюмени», то есть в политическом центре Тюменского ханства г.Чимги-Туре, вытекает из отдельных источников русского происхождения [14, с. 18–19; 18, с. 94]. Хотя, конечно, именование этого хана в Новгородской четвертой и Никоновской летописях «ногайским царем» [1, с. 60], а также приход его посла к крымскому хану Менгли-Гирею в 1493 г. с предложением «дружбы, братства и единачества на Орду» из «Ногай» [18, с. 206], говорит не только о его тесных политических связях с Ногайской Ордой, но и о возможности нахождения в Поволжье или вблизи от

него. Тем более, что в том же 1493 г., по сообщению крымского хана Менгли-Гирея, хан Саид-Ибрагим и его брат Мамук во главе ногайцев пошли походом на «Орду» (Большую Орду) [18, с. 236]. Но центр политической власти рассматриваемой ветви Шибанидов вряд ли поменялся – он по-прежнему оставался, надо думать, в «Тюмени» (Чимги-Туре). То, что это было именно так, вытекает из русских источников. Скажем, согласно Никоновской летописи, брат хана Саид-Ибрагима Мамук, в 1496 г. кратковременно занявший даже казанский трон, именовался «Шибанским царем» [15, с. 242–243]. Как известно ранее Софийская первая и Воскресенская летописи так же называли самого хана Саид-Ибрагима [1, с. 60]. Да и сын Мамука Кулук, как видно из отдельных русских летописей, в 1505 или 1506 годах явно пребывал в г.Чимги-Туре, так как именно оттуда – из «Тюмени», он тогда выступил в поход [8, с. 133]. Тут стоит принять во внимание и то, что в первых десятилетиях XVI века «Шибаны» неизменно отождествлялись с Тюменским ханством.

В таком случае «Саинский стул» надо искать прежде всего «на Волге», но не в Казанском ханстве, а, скорее, на территории Большой Орды. Даже в послании тюменского хана Саид-Ибрагима от 1493 г. при высказывании им о его выходе «к Волге» и обретении «отцовского юрта» (его отцом являлся хан Махмудек, сын Хаджи-Мухаммеда), скорее всего, больше имеется в виду в целом бывшее наличие определенных прав Шибанидов на территорию центрального домена в рамках единой Золотой Орды – что было правдой – нежели фиксация возможности нахождения в указанном «юрте» рассматриваемого «Саинского стула». Но сама проблема локализации этого «стула» все-таки остается.

При обсуждении этой проблемы определенную пользу может принести обращение к «Казанской истории», интерпретация одного места из которой позволяет, как нам думается, уточнить место нахождения «Саинского стула». В «Казанской истории» содержится уникальный рассказ о приходе касимовского хана Нур-Давлета с московским воеводой князем Василием Ноздреватым Звенигородским на «Орду» (Большую Орду) осенью 1480 г., когда войска хана Ахмада «стояли» на Угре. Упомянутая тут «Орда» в это время стояла «пустой», точнее, там не было воинов, а находились только старики, женщины и дети. Согласно источнику, это население было пленено, а сам «юрт Батыев» предан «огню и воде и мечу». В момент разгрома данного «юрта» у наступающей стороны возникло желание, «конечно», его «разорить», и тогда один из уланов касимовского хана по имени Обляз, сказал: «... Что твориши, о царю, яко нелепо есть тебе болшаго сего царства до конца разорити... И наша земля то есть и отец твой искони» [11, с. 56]. Из текста создается впечатление, что под «Батыевым юртом» подразумевается не только Большая Орда в целом, но и ее какой-то центр, где было сосредоточение массы народа. И вот тут возникает вопрос: а не идет ли в данном случае речь о

том населении, которое находилось в политическом центре Большой Орды – г.Сарая?

Такое вполне возможно и вот почему. Встречающиеся в литературе рассуждения об окончательном разрушении г.Сарая в конце XIV в., на самом деле не соответствуют реальности. Дело в том, что он оставался значительным городским поселением не только в первой половине, но и во второй половине XV в. Например, хорошо известно о наблюдениях ширазского купца в этом городе в 1438 г. [3]. Судя же по сведениям Типографской летописи, в начале 1470-х годов Сарай еще существовал – под 1471 г. в этой летописи помещено сообщение о походе вятчан по Волге «на низ», содержащее следующую информацию: «...идоша вятчане Камою на низъ и в Волгу в соудехъ и шедшее взяша градъ царевъ Сарай на Волзе и множество Татаръ усекоша, жены же ихъ и дети в полон поимаша и множество полону взявшие» [16, с. 191]. Раз в начале 1470-х годов при взятии Сарая еще можно было захватить «множество полону», то город, получается, тогда не только функционировал, но и имел заметное население.

Если это так, то возникает вопрос: а не имелся ли в виду в послании хана Саида-Ибрагима от 1493 г. под «Саинским стулом» политический центр Большой Орды – г.Сарай или, возможно, конкретное «тронное место» в нем? Такое более чем вероятно потому, что и то выражение («юрт Батыев»), которое было использовано в «Казанской истории» при описании сходных событий, случившихся несколько раньше, явно перекликается с понятием «Саинский стул», тем более, что «Батый» (Бату) это и есть «Саин» восточных источников.

Таким образом, применительно к Большой Орде – прямой наследнице Золотой Орды, можно допустить существование там особого тронного места – «Саинова стула», судя по названию, связанного с Бату-ханом. Несмотря на то, что в письменных источниках мы не имеем прямую маркировку этого места как «золотого трона» («*алтын тэхет*»), эпические произведения и, косвенно, некоторые письменные источники, как будет показано ниже, оставляют возможность для такой трактовки.

Так, следует отметить, что у Ибн Баттуты, находившегося в Золотой Орде при хане Узбеке, сохранилось достаточно детальное описание названного тронного места на основе его личного наблюдения. Он сообщает что «в пятницу, после молитвы» хан «садится в шатер, называемый золотым шатром, разукрашенный и диковинный». Шатер состоял «из деревянных прутьев, обтянутых золотыми листьями». Далее арабский путешественник описывает собственно тронное место: «*Посредине его (шатра – Д.И.) деревянный престол, обложенный серебряными позолоченными листками* (не отсюда ли его название «*алтын тэхет*»? – Д.И.); ножки его из серебра, а верх его усыпан драгоценными камнями». Заметим, что описание «золотого трона» в дастане «Туляк и Сусылу» в точности совпадает с этим сообщением, что любопытно (см. выше). Ибн Баттута продолжает:

«...Султан (хан Узбек – *Д.И.*) садится на [этот] престол; с правой его стороны хатунь Тайтуглы и рядом с ней хатунь Кабак, а с левой стороны – хатунь Баялунь и возле нее хатунь Урдуджи. У подножия трона стоит справа [старший] сын султана Тинабек, а слева – второй сын его Джанибек. Перед ним сидит дочь его Идкуджуджук». Далее речь идет о том, что в этом «шатре» «справа и слева» имелись «скамьи» для «старших эмиров». Перед тронном, точнее, перед султаном «стоят царевичи: сыновья дяди его, брат его и родственники..., а насупротив их, у дверей шатра, стоят дети страших эмиров, и позади их стоят начальники войск, справа и слева» [4, с. 132–133].

Этот длинный рассказ Ибн Баттуты нами приведен потому, что похожее описание, но не такое подробное, было оставлено египетскими (мамлюкскими) послами в годы правления хана Берке. Думается, что оно свидетельствует о существовании специального тронного места в Улусе Джучи уже в XIII в. Вот оно: «.. царь Берке ... находился в большом шатре, в котром помещается 100 человек (в другой версии – 500 всадников – *Д.И.*) покрытом белым войлоком, внутри обитом шелковыми материями и китайками и украшенным жемчужинами и драгоценными камнями. Он (хан) сидел на престоле, свесив обе ноги на скамейку, на которой лежала подушка... Сбоку от него сидели старшие жены: Джиджек хатунь и Кехарь хатунь... При нем в шатре его сидело 50 (в других версиях – 60 – *Д.И.*) эмиров на скамейках...» [4, с. 70, 92–93].

Плано Карпини также оставил схожее описание «ставки» Бату хана. Он сообщает, что хан в этой «ставке», явно находившейся в «шатре» (как он указывает, эти «шатры» были «большие и очень красивые, из ткани, раньше они принадлежали королю венгерскому»), «сидит на более возвышенном месте, как на троне, с одною из жен своих; другие же, братья и сыновья, так и иные младшие, сидят посредине на скамейке, прочие люди – сзади их, на земле...» [12, с. 73]. Это тронное место видел и Вильгельм де Рубрук. Вот что он отмечает: «...нас провели до середины палатки (это был «шатер» – *Д.И.*) ...[Там Бату] сидел на длинном троне, широком как ложе, и целиком позолоченном; на трон этот поднимались по трем ступеням; рядом с Бату сидела одна госпожа, мужчины же сидели там и сям, направо и налево от госпожи; то, что женщины не могли заполнить на своей стороне, так как там были только жены Бату, заполняли мужчины...» [12, с. 117]. Как видим, престол Бату-хана уже был «позолоченным», то есть это – «*алтын тәхет*».

Если поискать в изобразительных материалах, имеющих отношение к государству Хулагуидов и Юаньской империи, можно найти достаточно близкие к описанным выше изображения тронных мест этих чингизидских владений (см.: [21, рис. 29, 33, 49, 54, 55, 74]), что скорее всего свидетельствует о том, что «золотой трон» Улуса Джучи имел какой-то более ранний аналог. Совпадали даже некоторые детали – скажем, из отмеченных выше рисунков видно, как на золо-

тоордынском престоле на изображенных выше тронных местах других чингизидских владений имелись скамейки для ног царственных персон, которые к тому же служили, видимо, ступенькой для подъема на престол. В частности, в описании Ибн Баттуты указывается, что хан Узбек «держит... за руку [хатунь], пока она восходит на престол» [4, с. 133].

Для того, чтобы выяснить истоки этого весьма своеобразного престола в Золотой Орде, необходимо сделать еще одно замечание, на наш взгляд, имеющее косвенное отношение к его именованию «золотым». Мы ранее видели, что золотоордынский престол, покрытый позолоченными пластинами, уже по этому основанию мог именоваться «золотым». Но для такой его квалификации имелись и другие предпосылки.

Прежде всего, конечно, это само нахождение интересующего нас «тронного места» в особом – «золотом» шатре (юрте), вместе с которым он образовывал средоточие власти в Улусе Джучи. Вместо него мог быть и ханский дворец, но также обозначенный как «золотой». Например, Ибн Баттута указывает на то, что в Сарае находился «дворец султана» (под султаном тут имеется в виду хан Узбек), именуемый «Алтунташ» (первую часть названия арабский путешественник перевел как «золото, золотой», а вот вторую часть – «таш», как голова [4, с. 143], что неверно; тут возможны две версии объяснения: или вместо слова «таш» (камень) там должно стоять «баш» (голова), или он ошибся в переводе). Поэтому этот дворец назывался «златокаменным» или «златоглавым». Если исходить из сообщения аль-Омари относительно нахождения в г.Сарае «большого дворца», являвшегося «местом пребывания царя» и его приближенных зимой, отличительной особенностью которого было не только «окруженность стенами, башнями да домами эмиров», но и увенчанность «золотым наволунием весом в два кантыря египетских» [4, с. 109], не исключено, что он имел наименование «Алтынбаш». Но в любом случае этот дворец был маркирован как «золотой». Далее само использование золота в отделке ханского шатра (юрта), ханского дворца, трона могло способствовать закреплению за джучидским престолом термина «*алтын тахет*», тем более, что уже во время Бату-хана ханский престол был позолоченным.

Но в реальности такое наименование джучидского престола могло проистекать из другого источника, имеющего прямое отношение в XIII в. к тронному месту центрального домена Монгольской империи.

Дело в том, что уже аль-Асир, описывающий военную операцию монгольских войск в 1220–1221 г. в районе г.Мерва, упоминает о том, что Чингиз-хан «сел на золотой трон» [4, с. 29]. Есть все основания полагать, что в «Мен-да бей лу» («Записки о монголо-татарах») Чжао Хуна говорится именно об этом троне: «...трон [Чингиз-хану] служит монгольский диван (ху чуань) с драконовыми заголовками, обложенный золотом» [19, с. 625]. Данный престол, в

свою очередь, был связан с «золотым шатром/ставкой». Рашид ад-дин, например, рассказывающий о возвращении Чингиз-хана из похода в «области тазиков» в 1224 г., отмечает, что «достигнув местности Бука-Су-джику, он повелел там разбить Большую золотую орду (в оригинале – «Урду-и-заррин-и-бузург»/«Большая Золотая ставка» – *Д.И.*), устроить многолюдное собрание (курултай – *Д.И.*) и сделать великое пиршество» [17, с. 230]. В «Хэй-да ши-лю» («Краткие известия о черных татарах») Пен Да-я и Сюй-Тина, явно имея в виду его же, говорится, что «... внутри золотого шатра можно поместить несколько сотен человек» [4, с. 443].

Его видел и Плано Карпини, побывавший в домениальном владении монгольской империи накануне восшествия на имперский престол Гуюка. Вот его наблюдения: «...был приготовлен...шатер, называемый у них Золотой Ордой (т.е. это «Урду-и-заррин-и-бузург» / «Большая золотая ставка» – *Д.И.*). Там Куйюк должен был воссесть на *престол* (выделено нами – *Д.И.*)... Шатер этот был поставлен на столбах, покрытых золотыми листами и прибитых к дереву золотыми гвоздями, и сверху и внутри стен он был крыт балдахином, а снаружи были другие ткани». Именно там, как указывает Плано Карпини, «посадили Куйюка на императорский престол (вот он, «золотой трон»! – *Д.И.*) и вожди преклонили перед ним колена...» [12, с. 78]. Названный «императорский трон» мог быть перемещен и в другие шатры (палатки), каковых у Гуюка было три [12, с. 79]. В частности, Плано Карпини сообщает об «изумительном шатре...из пламенно-красного пурпура», внутри которого был «воздвигнут высокий помост из досок, где был поставлен трон императора». Вот как он выглядел: «трон был из слоновой кости, изумительно вырезанный; было там также золото, дорогие камни... и перлы; и на трон, который сзади был круглым, взбирались по ступеням». Далее отмечается, что «кругом этого седалища были также поставлены лавки, где госпожи сидели на скамейках с левой стороны, справа же никто не сидел, а вожди сидели на лавках ниже, и притом в середине, прочие же сидели сзади их...» [12, с. 79].

Похожую картину наблюдал и Вильгельм де Рубрук, когда он находился в Каракоруме у Менгу-каана. Там у монгольского императора имелся «большой двор, обнесенный кирпичной стеною». В этом «дворе» стоял большой дворец, в котором каан дважды в году устраивал многолюдные приемы. По Рубруку во дворце каан сидел «на возвышенном месте» и к «его престолу вели две лестницы... Справа от его (престола – *Д.И.*) бока... помещаются мужчины, с левого – женщины... К югу... находятся возвышенные сидения, наподобие балкона, на которых сидят сын и братья хана. На левой стороне сделана так же; там сидят его жены и дочери. Одна только жена (старшая – *Д.И.*) садится там, наверху, рядом с ним, но все же не так высоко, как он...» [12, с. 155].

Заслуживают внимания и наблюдения Марко Поло, побывавшего в Китае во время правления там каана («великого хана») Хубилая

из Юнаньской династии. У Хубилая были две ставки: одна – зимняя, в Ханбалыке – столице государства, там он находился в декабре, январе, феврале, и другая – на юге, в местности Каччар-Модун («Лесной город»), куда хан и его приближенные удалялись в марте [12, с. 261–263]. Марко Поло так описывает большой дворец Хубилая в Ханбалыке: «... Стены в больших и малых покоях покрыты золотом и серебром, и разрисованы по ним драконы и звери, птицы, кони и всякого рода звери, и так-то стены покрыты, что кроме золота и живописи ничего не видно. Зала такая просторная, более шести тысяч человек может быть там» [12, с. 251]. Хотя Марко Поло об этом и не говорит, понятно, что именно этот «большой дворец» и являлся у Хубилая «золотым». Дополнительным аргументом в пользу такого предположения может быть описание пира великого хана, задаваемого им в этом дворце после возвращения его в г. Ханбалык: «... На пиру... стол его (каана – Д.И.) много выше других... С левой стороны возле него сидит старшая жена, а по правую руку много ниже, сыновья, племянники и родичи императорского роду, а головы их приходятся у ног великого хана; а прочие князья садятся за другие столы, еще ниже... жены сыновей великого хана, его племянников и родичей – с левой стороны, пониже, а за ними, еще ниже, садятся жены баронов и рыцарей. Всякий знает свое место, где он должен сидеть по порядку, установленному великим ханом» [12, с. 256]. Последнее замечание свидетельствует о том, что рассматриваемый пир моделировал порядок расположения знати в рамках ханской ставки, характерный именно для престольного центра – «Золотой ставки». Весенне-летняя ставка великого хана Хубилая описана Марко Поло не очень детально, но показательно, что он указывает на существование у каана нескольких палаток, в одной из которых, где могли поместиться «тысяча всадников», проводились «собрания», куда «сходились князья и другие люди». Несмотря на то, что рядом с этой «палаткой» находилась другая, в которой великий хан «пребывал» и принимал тех, с кем «желал переговорить», и где он «опочивал» [12, с. 262], ясно, что именно первая палатка является летним аналогом большого, по сути, «золотого дворца».

Исходя из сказанного можно высказать достаточно обоснованное предположение о том, что «Саинов стул», он же «золотой трон» («*алтын тэхет*»), вкупе с «золотым шатром/дворцом», в Улусе Джучи действительно существовал, будучи воспроизведением более раннего имперского тронного места Еке Монгол Улуса, фактически являясь несколько уменьшенным его «клоном». Поэтому, когда мы читаем в источниках: «воцарился Тудаменгу... он вступил на престол царства... в Сарае» (Ибн Халдун), «Менгутемир... вступил на престол Сарайский» (Ал-Айни), «Менгу-каан...Сартака...утвердил...за ним престол и государство», или «Менгу-каан пожаловал Улагчи [сыну Бату] престол и царство отца» (Рашид ад-дин), «Узбек хан ...утвердился на престоле царства...после восшествия на ханский престол»

(Шаджарат ал-атрак), «Урус хан... после смерти отца сел на трон ханский (в Сыгнаке – Д.И.)... затем ... завоевал трон Узбека (Натанзи), «Бердибек-хан, севший на престол Дешт – и –Кипчака», «Бердибек, сын Джанибека... стал обладателем трона и короны » (Хайдар Рази), это надо воспринимать не только как фигуру речи, обозначающую восхождение к власти в Золотой Орде, но и как подлинное обретение центра власти в этом государстве в лице «золотого трона» и «Большой Золотой ставки»/ «*Олуг Алтын Урда*». В этой связи стоит обратить внимание на выражение «Золотая Татария» И. Шильбергера, свидетельствующее о том, что русское понятие «Золотая Орда», известное с XVI в., тоже было содержательным.

Рассматриваемое тронное место могло находиться как в специальном шатре, так и в ханском дворце, расположенном в столичном г.Сарае. Именно там, судя по источникам, восседали эмиры – «делатели» ханов. Указанное средоточие власти существовало даже в 1470 годах, причем не только в «шатровом» исполнении (см. И. Шильбергера), но и в виде «Саинова стула», не исключено, находившемся в ханском дворце внутри г.Сарая.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ахмедов Б.А.* Государство кочевых узбеков. М., 1965.
2. *Госманов М.Г.* Каурый калэм эзеннән: археограф язмалары. Казан: Татар. кит. нәшр., 1994.
3. *Заходер Б.Н.* Ширазский купец на Поволжье в 1438 г. (к вопросу об экономических связях с Сибирью, Средней Азией и Передним Востоком) // Короткие сообщения Института Востоковедения. Вып. XIV. М., 1955. С. 166–172.
4. Золотая Орда в источниках. Т.1. Арабские и персидские сочинения. М., 2003.
5. Идегәй. Татар халык дастаны. Казан: Татар. кит. нәшр., 1988.
6. *Исхаков Д.М.* От средневековых татар к татарам Нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Научное издание. Казань: изд-во «Мастер-лайн», 1998.
7. *Исхаков Д.М.* Об отражении некоторых золотоордынских реалий в татарско-башкирском дастане «Туляк и Сусылу» // Золотоордынская цивилизация. Вып.4. Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 119–127.
8. *Исхаков Д.М.* Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2006.
9. *Кадыйр Гали бәк.* Жәмигыт-тәварих // Мирастан биш сәхифә: XVII–XIX гасырлар әдәби-тарихи ядкярләре. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. С. 7–22.
10. *Кадыргали Жалаыйр.* Шежірелер жинагы. Алматы: Казахстан, 1997.
11. Казанская история. М-Л.: Изд-во АН СССР, 1954.

12. *Карпини Плано Джованни*. История монгалов. Де Рубрук Гильом. Путешествие в восточные страны. Поло Марко. Книга Марко Поло. М.: Мысль, 1997.

13. *Мустакимов И.А.* Термин «Золотой престол» в Поволжье по данным арабографических источников (к вопросу о статусе г.Булгара на Ордынском и постордынском пространстве) // Гасырлар авазы. Эхо веков. №1. 2008. С. 142–157.

14. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1995.

15. ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. М., 2000.

16. ПСРЛ. Т. 11–12. Патриаршая или Никоновская летопись. М.: Наука, 1965.

17. *Рашид ад-дин*. Сборник летописей. В 3-х томах. Т. 1. М.: НИЦ «Ладомир», 2002.

18. Сборник РИО. Т. 41. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою Ордами и с Турциею. Т.1. С 1474 по 1505 г.г. Эпоха свержения монгольского ига. СПб., 1884

19. Чингисиана. Свод свидетельств современников. М.: ЭКСМО, 2009.

20. *Шильтбергер И.* Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 год. Баку: Изд-во «Элм», 1984.

21. *Юрченко А.Г.* Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. СПб.: Евразия, 2013.

Сведения об авторе: Дамир Мавляевевич Исхаков – главный научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, доктор исторических наук (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация); monitoring_vkt@mail.ru

---

**THE GOLDEN HORDE ETHNOLOGY OF TATARS:
1. THE EPIC AND HISTORICAL “GOLDEN THRONE”
 (“ALTYN TƏKHET”)**

D.M. Iskhakov

*(Sh. Marjani Institute of History,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)*

The author of this article seeks to identify the historical origins of particular patronal place characteristic for the ulus of Jochi and later Turko-Tatar States established on its territory in the 15th–16th centuries. This patronal place was known as the “golden throne” and has been recorded by the Turko-Tatar (epics, chronicles, historical works) and some Russian sources. An overview of historical sources reveals that according to the Turko-Tatar traditions of the 16th–18th centuries, the “golden throne” was a place, where the ruler (Khan, king) was sitting in the Golden Horde and at the post-Horde political space. The author of this article emphasizes the important fact: in historical sources the “golden throne” was al-

ways associated with the place of enthronement of the Tatar ruler. As a result of detailed analysis of the available historical material, the author found that the often mentioned “golden throne” existed not only in the ulus of Jochi, but throughout the Mongol Empire. Moreover, further analysis of the available historical material (including a comparison with information contained in the parallel Persian, Chinese, and Latin sources) showed that the “golden throne” was connected to another symbol of power, common in all Chinggisid States and recorded by a number of historical sources, that is, with special tent (yurt) known as the “Great Golden horde”. This tent together with the throne seat symbolized the focus of the khan authority in the Mongol Empire and the subsequent Chinggisid States.

Keywords: throne, patronal place, enthronement, golden throne, golden tent, center of power.

REFERENCES

1. Akhmedov B.A. *Gosudarstvo kochevykh uzbekov* [The State of Nomadic Uzbeks]. Moscow, 1965.
2. Gosmanov M.G. *Kauryy kalәм ezennән: arkheograf yazmalary*. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 1994.
3. Zakhoder B.N. Shirazskiy kupets na Povolzh'e v 1438 g. (k voprosu ob ekonomicheskikh svyazyakh s Sibir'yu, Sredney Aziey i Perednim Vostokom) [A Shiraz Merchant on the Volga in 1438 (to the question of economic relations with Siberia, Central Asia, and the Near East)]. *Korotkie soobshcheniya Instituta Vostokovedeniya* [Brief Reports of the Institute of Oriental Studies]. Is. XIV. Moscow, 1955, pp. 166–172.
4. *Zolotaya Orda v istochnikakh*. Vol. 1. *Arabskie i persidskie sochineniya* [The Golden Horde in the Sources. Vol. 1. Arab and Persian Writings]. Moscow, 2003.
5. Idegay. *Tatar khalyk dastany*. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 1988.
6. Iskhakov D.M. *Ot srednevekovykh tatar k tataram Novogo vremeni (etnologicheskiy vzglyad na istoriyu volgo-ural'skikh tatar XV–XVII vv.)*. Nauchnoe izdanie [From the Medieval Tatars to the Tatars of the New Age (ethnological view of the history of the Volga-Ural Tatars of the 15th–17th centuries). Scholarly edition]. Kazan, Master-layn Publ., 1998.
7. Iskhakov D.M. *Ob otrazhenii nekotorykh zolotoordynskikh realiy v tatarsko-bashkirskom dastane «Tulyak i Susylu»* [On the Reflection of Some of Golden Horde Realities in the Tatar-Bashkir Epos “Tulyak and Susylu”]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. Is. 4. Kazan, OOO «Foliant», Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2011, pp. 119–127.
8. Iskhakov D.M. *Vvedenie v istoriyu Sibirskogo khanstva. Ocherki* [Introduction to the History of the Siberian Khanate. Essays]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2006.
9. Kadyr Gali bәk. *Жәмigyт-тәварikh. Mirastan bish sәkhifә: XVII–XIX gasyrlar әdәbi-tarikh'i yadkyarlәre*. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 2011, pp. 7–22.
10. Kadyrgali Zhalayr. *Shezhireler zhinagy*. Almaaty, Kazakhstan, 1997.

11. *Kazanskaya istoriya* [The Kazan History]. Moscow-Leningrad, Akademiya nauk SSSR, 1954.

12. Giovanni di Pian di Carpine. *Istoriya mongalov* [History of the Mongols]. Guillaume de Rubruck. *Puteshestvie v vostochnye strany* [Itinerarium]. Polo Marco. *Kniga Marko Polo* [The Book of Marco Polo]. Moscow, Mysl' Publ., 1997.

13. Mustakimov I.A. Termin «Zolotoy prestol» v Povolzh'e po dannym arabografichnykh istochnikov (k voprosu o statuse g.Bulgara na Ordynskom i postordynskom prostranstve) [Term of the “Golden Throne” in the Volga Region according to Arab Sources (on the question of the status of the city of Bolghar on the Golden Horde and post-Horde space)]. *Gasyrlar avazy-Ekho vekov* [Echo of the Ages]. No. 1, 2008, pp. 142–157.

14. *Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy. 1489–1549* [Ambassadorial Books on the Russian Relations with the Nogai Horde. 1489–1549]. Makhachkala, Dagestanskoe knizhnoe Publ., 1995.

15. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 24. *Tipografskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 24. Typography Chronicle]. Moscow, 2000.

16. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 11–12. *Patriarshaya ili Nikonovskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 11–12. Patriarchal or Nikon Chronicle]. Moscow, Nauka Publ., 1965.

17. Rashid ad-Din. *Sbornik letopisey. V 3-kh tomakh* [Compendium of Chronicles. In 3 Volumes]. Vol. 1. Moscow, Nauchno-izdatel'skiy tsentr “Ladomir” Publ., 2002.

18. *Sbornik RIO*. Vol. 41. *Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy Moskovskogo gosudarstva s Krymskoyu i Nogayskoyu Ordami i s Turtsieyu*. Vol. 1. *S 1474 po 1505 g.g. Epokha sverzheniya mongol'skogo iga* [The RIO Collection. Vol. 41. Monuments of Diplomatic Relations of the Moscow State with the Crimean and Nogai Hordes and Turkey. Vol. 1. From 1474 to 1505. The Era of the Mongol Yoke Overthrowing]. St. Petersburg, 1884.

19. *Chingisiana. Svod svidetel'stv sovremennikov* [Chinggisiana. The Vault of the Contemporary Testimonies]. Moscow, EKSMO Publ., 2009.

20. Shiltberger I. *Puteshestvie po Evrope, Azii i Afrike s 1394 po 1427 god* [The Travel across Europe, Asia, and Africa from 1394 to 1427]. Baku, Elm Publ., 1984.

21. Yurchenko A.G. *Elita Mongol'skoy imperii: vremya prazdnikov, vremya kazney* [Elite of the Mongol Empire: The Holiday Season, the Time of Executions]. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2013.

About the author: Damir Mavlyaveevich Iskhakov – Chief Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Dr. Sci. (History) (420014, Kremlin, entrance 5, Kazan, Russian Federation); monitoring_vkt@mail.ru